

---

---

Степан НИКОНОРОВ

## ЗЛОЙ ЗЛЕЕ...

### Рассказ

Около «Сапсана» присутствовали три человека: молодая проводница Клара, молодой проводник Кирилл и высокий, в замшевом пиджаке столичный человек Бембя Иванович Чорт. Трое курили. Проводники переглянулись:

— Пойдем, Кирилл, в служебку, чаю выпьем? — Клара щелчком отбросила тлеющую сигарету.

— Пойдем, — эхом отозвался Кирилл.

Бембя продолжал стоять и смотреть вдаль, он злобно мыслил: если я не успею на встречу, всей вашей группировке придет конец. Он сделал два шага и ступил со щебня на траву. Закинул руки, и влажная розовая рубашка неприятно прилипла к спине. Бембя харкнул, при этом долго собирал слюну и играл с комком в щеках. Когда плюнул, то заметил большого кузнечика и стал на него смотреть, вспоминая калмыцкую детскую жизнь.

— Как я рвал лапки вам, стрекуны зеленые, как закрывали окна, когда буря пыльная была...

Тень «Сапсана» начала движение — он резко обернулся:

— Куда?

Бембя бросился за разгоняющимся поездом, но носок черной туфли увяз в щебне, и он свалился на бок.

Поезд быстро исчез на горизонте, как исчезает любая сила из-под носа человека. Бембя лежал и тупо смотрел в пустую точку, куда устремлялась железная дорога, тяжело дышал и не мог поверить в такую удивительную несправедливость.

По смартфону он определил, где ближайшая дорога.

Двинулся к дороге.

Уже на асфальте Бембя вызвал такси и стал ждать, при этом нервно дергая коленкой.

Такси приехало через двадцать минут, Бембя запрыгнул на заднее сиденье и щелкнул языком:

— Город!

— Куда именно? — таксист включил поворотник.

— На ж/д вокзал, и быстрее, — Бембя вжался пальцами в водительское сиденье.

— У нас нет вокзала.

— Как нет?

— На проспекте Кацапов есть автовокзал. Но не уедете, там народу — повалишься!

---

Степан Игоревич Никоноров родился в 1995 году в поселке Первомайский Тульской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического государственного университета. Публиковался в литературных журналах «Формаслов» и «Пашня». Учится на филологическом факультете СПбГУ по магистерской образовательной программе «Литературное творчество» (под руководством А. А. Аствацатурова). Живет в Санкт-Петербурге.

— И?

— Все хотят уехать.

— Да как это? — Бембя замотал головой в стороны от злости.

— Куда ехать? — обернулся водитель.

— Давай город, — Бембя откинулся на сиденье, пристегнул ремень безопасности и стал смотреть на качающуюся собачью голову на передней панели авто.

Машина ехала по двухполосной дороге — по обе стороны росли деревья. Бембя пытался думать, он перевел взгляд в окно и поправил бирюзовый галстук.

— Спешите? — произнес водитель.

— Спешу, — задумчиво прорычал Бембя.

— Вы злой, как черт. Надо спокойнее, — таксист поправил фуражку.

Бембя посмотрел в глаза водителю через зеркало заднего вида и прохрипел:

— Как звать?

— Борисом, — ответил таксист.

— Так вот, Борисом. Ты зачем сказал? Ты мной не руководи, я еще злее могу стать. И шуточки про чертовщину держи при себе, — Бембя стал еще злее и сморщил лоб.

Борисом промолчал, окончательно перевел взгляд на серую асфальтовую дорогу и прибавил газ.

Они ехали около двадцати минут и въехали в город.

За окнами автомобиля сначала проносились заборы и заводы с трубами, потом какая-то грязная речка с сараями и деревянными домиками, потом сквозь деревья просиял военный монумент, и началась кирпичная городская улица.

— Скоро на Кацапов выйдем, мне нужно знать, куда двигаться? — Борисом поворачивал руль, машина дергалась на трамвайных рельсах.

«Не шуми», — думал Бембя в позе мыслителя.

Через четыре минуты автомобиль остановился, ключ зажигания был провернут Борисом, и гул двигателя исчез.

— Что случилось? — очухался Бембя.

— Проспект Кацапов, — Борисом нажал на клавишу, прозвучал щелчок, и четыре соска, которые располагались на дверях, всосало внутрь.

— Так...

— Давай деньги, — водитель смотрел на Бембя.

Тут Бембя ощупал карманы, замер и гневно заелозил, дернул ручку, но дверь не поддалась, а ремень безопасности резко придавил грудь.

— Браво! — заорал отчаянно Бембя.

— Деньги!

— Нет денег, — Бембя стал еще злее, в глазу лопнул сосуд, и красная паутина разлилась по белому влажному шару. Потом он заорал.

— Что орешь, придурок? Надо платить!

— Мне нечем!

— Тогда звони, Державин!

— Кому?

— Жене звони...

Бембя достал телефон, поднес к лицу, нажал на клавишу, и на экране замигала батарея с красным концом.

— Стоять, — подумал вслух Бембя. — У меня нет жены!

— Ошалеть! — взмахнул руками Борисом.

— Заряд кончился...

В машине появилась тишина. Бембя смотрел на торчащую фуражку Борисом, а Борисом смотрел на раскатанный перед лобовым стеклом проспект Кацапов. Вдоль про-

спекта стояли магазины, кафе, витрины, парикмахерские, сток-центры, быстрые займы. По тротуарам шли пожилые женщины, иногда проезжал велосипедист, а в некоторый момент к дороге выбегала промаркированная псина, боялась маршрутку и убегала обратно. Тишину прервал Борисом, когда со всей силы ударил ладонью по клаксону и проговорил:

— Ситуация!

От этого происшествия Бембя подпрыгнул и стал еще злее, вследствие чего его правая рука заходила ходуном. Он схватил ее левой рукой, чтобы сдержать тик.

— Так, — начал Бембя. — Жизнь обрастает новыми обстоятельствами. Что я могу тебе предложить, Борисом? Денег у меня нет.

Борисом задумался, открыл окно и плюнул. Окно закрыл. Какой-то прохожий в футболке с надписью «Я ЦАРЬ» кивнул таксисту, тот махнул рукой, улыбаясь.

— Как звать? — Борисом обернулся.

— Бембя, — сказал в нос Бембя.

— Принял.

В салоне опять наступило молчание, и лишь собачья голова делала легкие движения относительно собственного тела.

— Перейдем на шепот? — предложил Борисом.

— Для чего?

— Охладить обстановку, — Борисом смотрел через зеркало на Бембя, а тот сглатывал сухость, играя кадыком. — Значится так... есть у меня дочь, у дочери есть свекор, у свекра есть паршивый характер. Можем провернуть одну штуку, и будешь свободен.

— Слушаю, — прошептал Бембя.

Борисом поведал Бембя историю, суть которой заключалась в том, что некоторый свекор, Парамонов Карал Аркадьевич, лишает возможности дочь, чей отец зовется Борисом, уехать жить из этого драного города и заставляет продавать электронные устройства в его дешевом китайском магазине. А муж дочери, Георгий, тряпка и просто жалкая сырая гадость, что травит всем мозг своим желанием играть на фортепьяно. Борисом сообщил, что если Бембя выкрадет дочь, то тот отвезет его, куда ему надо, вместе, конечно, с девочкой.

— Ты же столичный, Бембя? — прошептал Борисом.

— Столичный.

— По физиономии бы не понял, но смокинг выдал. Готов к действию?

Бембя с нежеланием посмотрел в окно, но на самом деле посмотрел в себя, он все думал: какая неудобная ситуация и как он зол. От такого мышления Бембя стал еще злее, и у него загудело в виске.

— Ай, ладно, — махнул он рукой. — Договорились.

— С лихвой, — прошептал Борисом, завел автомобиль, и они тронулись с места.

Проехав какое-то количество километров, такси остановилось во дворе с густыми деревьями, около двухэтажного серого дома. Борисом выбежал из машины, щелкнул кнопку на ключах и скрылся в подъезде. Через две минуты Борисом появился уже с алюминиевой стремянкой в руках, Бембя отворил ему заднюю дверь, они с помощью друг друга просунули лестницу так, чтобы ее край уткнулся в лобовое стекло. При всем этом острый угол ступеньки зацепился за рукав замшевого пиджака Бембя, и тот закрипел зубами, становясь еще злее.

— Это немцы, — указал пальцем Борисом на дом, садясь на сиденье.

— Не похоже, — держал трясущуюся руку Бембя.

— Да, Русь-матушка что делает с архитектурой... — Борисом щелкнул поворотник, и автомобиль поехал.

— Теперь за цветами, — добавил Борисом и улыбнулся.

Водитель положил три розы на колени Бембя, машина сделала хлопки и двинулась с места, удаляясь от цветочного магазина «Аделина». Борисом нажал на клавишу проигрывателя, на экране закружились пунктирные цифры радиоволны, и все нутро автомобиля резко заполнил лирический смысл хриплого русского певца. Бембя прочесал больной глаз и уставился в улицу. Он смотрел на людей и замечал четкую сменяемость грусти на крутую, жгучую злобу у них на лицах. Музыка при этом придавала человеческому существу этого города какой-то определенный окрас, кажется янтарного цвета. Вокруг летали толстые мухи.

Во рту у Бембя стало горько, он взглянул на часы, потом в зеркало на лицо Борисом и проговорил:

— Давай быстрее.

Борисом нажал на газ, и покрышки закружились быстрее.

Машина подъехала к дому по адресу Металлистов, восемь. Борисом откинул сиденье, спрятавшись за дверь, повернул голову вправо и сказал:

— Ждем.

Затем, дернув подбородком, добавил:

— Вон тот балкон. Некрытый...

Бембя наклонился, чуть выдавив шею из воротничка, как черепаха из панциря, и уставился мутным зрением на второй этаж. После он взглянул на алюминиевую стремянку, на которой увидел наклейку «Nesquik», дотронулся правой рукой до плеча Борисом и прошептал:

— Надо будет карабкаться.

Борисом молча кивнул и продолжил шуриться то на балкон, то на впереди лежащую улицу. Он думал: деточка, все для тебя. А мне? Что мне? Ничего! Только чтобы ты счастливее в жизни этой устроилась. Ведь мне что нужно — это знать, что завтрашний день будет. Вот уедешь ты с этого обгрызенного проспекта нашего, Кацапов, а там жизнь твоя сама разовьется. Борисом в своей фантазии пребывал хоть не умом, но всем сердцем и с очень русской чертой замечал: еще, главное, чтобы войны не было.

А вот Бембя ощущал тревогу, вспоминая, что договор по его столичным делам уехал в злополучном «Сапсане». И от такого стал еще злее чем был, и так закололо в кишечнике, что он сжался в улитку.

Борисом, уже уронивший голову, засыпая, вдруг пробудился. Он приподнял тело и посмотрел в окно. Из подъезда вышел худощавый и высокий персонаж, в голубой рубашке с короткими рукавами, заправленной в засаленные серые брюки. На его сморщенном, египетского склада лице было какое-то бесполезное усилие, а походка являла последствия перенесенного в детстве рахита, отчего движения его напоминали матросскую качку.

— Бембя, смотри, идет, — произнес Борисом, проводя взглядом Карала Аркадьевича.

Карал Аркадьевич вышел на дорогу и направился в сторону проспекта Кацапов.

Бембя в это время смотрел на свата Борисом, искривляясь в лице от того, как же может дурно выглядеть человек.

— Что делаем? — добавил Бембя.

Борисом, крутя небольшой вал по левую руку, стал поднимать сиденье вверх.

— Минуту — и приступаем. Цветы на месте?

— На месте, — отпустило живот у Бембя.

— Галстук на месте? — продолжил Борисом.

— На месте.

— Упорство, дух, всеобъемлющая тяга к искусству на месте?

Бембя на две секунды замялся, но потом прошептал:

— На месте.

— Ну и славно! Начинаем, Бембя.

Дальше Борисом рассказал Бембя план, а тот, слушая, повторял: «ага», «угу», «да», «так»... И вот все начало происходить. Было бы интересней, если бы на улице лил дождь, громыхал большими и сильными звуками гром, а в небе, болтаясь на ветру, поднимался ярко-желтый шарик, накачанный гелием, но было не так, потому что день был ясный, светило солнце и в таких обстоятельствах не то что на чудеса, но на счастливую случайную встречу рассчитывать невозможно. При всем при том где-то вдалеке загорланил петух, и Бембя, услышав птицу, сморщил лоб, подумав: «А петух-то откуда, ведь все-таки город?»

Бембя с надеждой достал трясущейся рукой телефон, но тот был все еще разряжен, и тогда Борисом сказал: «Вперед».

Бембя стоял под балконом в собственном черном замшевом костюме, около была расставлена алюминиевая стремянка, солнце палило сверху, и на лбу Бембя образовывались мокрые крапинки. Бембя вложил трясушуюся руку в карман брюк и прижал ее к туловищу, три розы сжал хорошими зубами, потом шагнул на ступеньку, затем на другую, и таким образом, вытянув свободную руку влево, он добрался до квадратной площадки лестницы. В этот момент стало ясно — придется карабкаться. Слегка подпрыгнув, он схватился одной рукой за чугунный кронштейн балкона, по виду своему похожего на скрипичный ключ из линейной нотации, дрожащей рукой дотянулся до вертикальной металлической стойки, что позволило ему перевалиться через поручень и упасть на холодный цементный пол.

Бембя поджал ноги, отложил цветы, запрокинул голову к небу, стиснул челюсти и от физического преодоления замычал: «М-М-м-м...» Потом восстановил дыхание, поднял розы, поднялся и заглянул в окно. Шторы были распахнуты.

Это был, видимо, зал, через мутное стекло просматривались желтые обои с розовыми цветами и зелеными кустиками, в дальнем углу находился старинный, каштанового оттенка, блестящий сервант, но то, что определило комнату как зал — диван. Взбитый, серый, с рваными подлокотниками и вылезшим, видимо, от раскачанных пружин синтепоном. Напротив дивана работал телевизор, напротив телевизора на диване сидела девушка, глядя в свой телефон. Бембя взял цветы в рот, сжал ладони в бинокль и прильнул к стеклу.

«Фантастика, — подумал Бембя, и его флюиды столпились в районе пупка. — Господи...»

Иногда такое происходит: проживаешь обыденный серый день и не надеешься на что-нибудь приятное, и вот судьба предлагает обрадоваться, да так, что резко начинает идти дождь, зажигаются электрические вывески ларьков, вода смывает пыль и сморщенные окурки с тротуаров, несчастливые люди раскрывают зонты и бегут под крышу, а человек, с кем случилась приятность, чувствует: да, жизнь — это гирлянда, зараза! Он, этот человек, прыгает в лужу, и брызги пахнут женским шампунем.

За спиной Бембя зашуршал дождь. А на диване девочка, положившая ногу на ногу, в розовых колготках и белой, обвисшей футболке продолжала что-то яростно листать в своем телефоне. Бембя медленно толкнул дверь, в комнате вздулись отдернутые лиловые шторы, как паруса на фрегате, и он ступил внутрь. В дрожащей руке находились три розы, на лице Бембя было что-то непонятное — то ли страх, то ли изумление, а то ли просто какая-то нелепая мина. Девочка, на вид она была двадцатилетней красавицей, лениво перенесла взгляд от мобильного телефона на вошедшего гостя. На экране телевизора яркими протуберанцами сияла местная реклама дешевых жалюзи, и была она настолько отвратительная, что Бембя приподнял

бровь. В углу экрана был значок «MUTE», а из соседней комнаты слышалась fuga Баха очень плохого исполнения.

— Здравствуйте, — прошептал Бембя, музыка прекратилась, но через секунду заиграла вновь.

— Это мне? — девочка, то есть дочь Борисом, посмотрела на букет.

— Вам, — Бембя приподнял букет выше.

— Я Валя.

— Бембя, — не меняясь в лице, тихо сказал Бембя.

Валя отложила телефон и продолжила смотреть на Бембя.

— Вам не страшно?

Валя промолчала, а Бембя сделал несколько шагов и положил букет на обгрызенный подлокотник дивана, а затем шагнул назад.

Валя встала с дивана подошла молча к двери и закрыла ее, потом обернулась, сделала пару движений в сторону Бембя, а тот оттого, что давненько не становился еще злее, раскис как пирожное, сгорбился и сильно занервничал.

— Страшно, не страшно, какая разница, — Валя остановилась у телевизора. — Бам-ва, если хотите меня сжать руками или перевязать горло своим галстуком, я закричу, но при этом буду чувствовать некоторую радость. Знаете отчего, Бомдя?

— Нет, — Бембя от крайне непривычной ситуации стал произносить слова как-то странно.

Тут в комнате начала жужжать перламутровая муха.

— Бах! — Валя развела руками, демонстрируя атомный гриб над головой. — Тогда вбежит мой фригидный муж, и, увидев подобную сцену, упадет от испуга и скончается, лежа с трясущимся телом и тупым выражением лица.

— Так, — Бембя не мог сконструировать следствие и смотрел то на лицо Вали, то на ее грудь.

— Начинайте... ну... прошу!

— А мне страшно, — стоял на месте Бембя.

Валя отклонилась назад, потом сделала два резких шага и накинулась на него, сначала в прыжке она развела ноги, а затем обвила ими бедра жертвы. Этот человеческий слиток ударился об стену и по инерции свалился на диван. У Бембя запрокинулись ноги, а Валя заорала во все гланды.

Удивительно, но на крик и вправду вбежал муж Вали — Георгий. Увидев Бембя, он зачерпнул нижнюю челюсть бледной ладонью, схватился за грудь узкими длинными пальцами и упал навзничь.

Валя воскликнула: «Просто фантастика!» А у Бембя рука затряслась еще более, чем прежде. Уже не помня мотивов, цели и вообще своей задачи на будущее, Бембя в беспомощности схватил Валу за футболку, и они пустились на улицу.

Сели в автомобиль. Захлопывая дверь, Бембя разбудил Борисом, и тот, хрюкнув, очнулся.

— Привет, па! — Валя выглянула из-за спины водительского сиденья.

— Детка! — произнес Борисом.

А Бембя был весь зеленый и хрипел...

Спустя время Бембя вместе с Борисом входили в квартиру второго. В Борисом билась энергия страсти, то есть энергия жизни и счастья. А в жилах у Бембя билась энергия антижизни, то есть несчастья. Закрыв за собой дверь, Борисом прошел на кухню, положил пакет на столешницу возле старой плохой раковины и позвал Бембя.

Место, где жил Борисом, можно оценить удовлетворительно, потому что это была не изба, но и не пентхаус. Холостяцкая квартира.

Есть два вида холостяцких убежищ: первое пространство принадлежит тому, кому стало неудобно жить, а второе тому, кому еще может повезти. В данном случае было первое. Старые стены, старая мебель, старые шторы, старая кухонная утварь, старый санузел, причем раздельный, старые радиаторы, старая штукатурка на потолке, старые люстры, старое постельное белье и латунные ручки тоже старых окон, где промеж рам килограммы мертвых насекомых, даже запах старый, и все это, абсолютно все, покрыто, пусть даже и слегка, но все-таки покрыто, оранжевой коркой или налетом охры.

Борисом на старой кухне стал разбирать пакет, а Бембя сел на липкий табурет, посмотрел на старую штору, а та была завязана узлом снизу, потому что под ней тек старый радиатор. За окном темнело. На проспекте Кацапов вечерело.

— Валентина осталась, это в порядке? — Бембя смотрел в окно.

— В порядке.

Валю оставили ночевать в автомобиле Борисом, потому что боялись Карала Аркадьевича, свата Борисом, а именно того, что тот явится и начнет разводить балаган: драться, царапать стены, совершать кувырки, а может и вовсе порезать всех, а Вале откусить полголовы. Риск большой, а у Вали есть телефон, наушники, и спинка водительского сиденья откидывается на три четверти, — это уже добавил Борисом, когда закрывал холодильник и облизывал большой палец левой руки.

— Борисом, у тебя должна быть зарядка, — вставил Бембя.

— Оставь электричество в покое, — Борисом поставил на стол грузинское вино «Музаради Алазанская долина», картины «Брют» и русскую водку «Тополь». — Давай раут?

Алкоголь предполагает фатальность, а именно вдруг нагрянувшую иначесть всего, что было до распития. Вначале Бембя подвинул себе бутылку картины «Брют», а Борисом грузинское вино «Музаради Алазанская долина». Оба стали пить. Пили в тишине. Борисом пил из бутылки, а Бембя попросил бокал, но, получив кружку, пил из кружки. В тишине гудела лампа. Выпив полбутылки, Бембя развязал галстук и снял пиджак. Бутылки закончились, и оба переглянулись, Борисом внимательно посмотрел на Бембя, потом на бутылку крепкой, потом схватил эту бутылку, провернул пробку и разлил в поставленные прозрачные рюмочки. Из холодильника он достал несколько колючих огурцов, брикет странной дешевой ветчины, все разрубил на ломтики на доске и выставил на стол, а на огурцы еще высыпал щепотку мелкой соли.

Бембя был не то чтобы удивлен столу или вообще рауту, но после столичных заведений с припиской «крафт» для него все было как-то внове. После такой мысли он произнес: «Я пьяный».

— На то и расчет, — Борисом накладывал на огурец ветчину. — Я тоже на стадии.

И вот появилась иначесть. У Борисом и Бембя за их разными спинами образовались маленькие разноцветные пропеллеры, похожие на детские вертушки-ветерки, которые насаживаются на деревянную тонкую палочку. Эти ветерки за их спинами стали кружиться, и так вышло, что оба приподнялись над своими табуретками ровно на пять миллиметров, что позволило им оторваться от земли, почувствовать свободную гравитацию, пересечь линию Кармана и оказаться в космосе, за пределами чугунной атмосферы. Оба со стуком вернули пустые рюмки на стол и захрипели: «А-а-а».

— Бембя, — хрустя огурцом, начал Борисом. — Ты чем занимаешься?

Бембя жмурился от выпитого, но потом ответил:

— Менеджер.

— Неясно.

— Заключаю договоры, разговариваю с людьми и тому подобное.

— И что же?

Тогда Бембя за распитием русской водки «Тополь» рассказал, что он работает в нефтегазовой фирме, которая предоставляет специальные установки, сам не очень разбираясь какие, в разные учреждения, области, регионы и республики. В данном случае он ехал в город Стойло, где находилось предприятие, производящее продукцию для чистки сантехники: туалетов, ванн, душевых кабин, канализационных труб — в общем, химии наподобие «Сансила». Договор он, Бембя, не довез, видимо, от руководства получит ладонью по карману и лицу, а непроданную установку стащат директора или замы, чтобы организовать на собственной даче саморучный культиватор. Жизнь, как выразился Бембя, идет.

А это важно. Оттого что в его родном калмыцком степном улусе геометрия отсутствовала и находилась лишь центральная площадь, затертые плевки на ступенях продуктового магазина, пьяный дядька Вертеп, который орал на старух, что он прибыл из славного города Тулуза, а те в свою очередь отвечали ему: так и езжай назад в свою Тулу, бражник драный.

— Зато бараны, — перебил Бембя Борисом, они выпили и оба взглянули на оставшуюся часть, составляющую четверть бутылки «Тополь».

— Бараны да, прекрасно-вкусно, — ответил Бембя, и настала пьяная задумчивая тишина.

Тишину перебил Борисом, сказав: «Я в юности владел гимнастикой». Потом встал из-за стола и в прыжке попытался сесть на продольный шпагат.

— Караул! — заорал тогда Борисом, а Бембя кинулся с липкой табуретки, поднял старого гимнаста и усадил на место.

— Болит? — глаза Бембя уже стали кривыми.

— У меня столько всего болит, что непонятно, — Борисом хмуро глядел на стол, при этом, видимо, что-то думал, а потом, глубоко вздохнув, произнес. — Э-эх...

Оставшаяся в бутылке водки «Тополь» жидкость стала очень медленно расходоваться по гортаням обоих, оттого начались замученные паузы — каждый, опершись на собственную ладонь, выкатывал нижнюю губу и смотрел то в прошлое, то в будущее, то на потолок, когда фантазия уходила совсем в причину. Потом если лицо затвердело, они отлепляли с болью локти от старого стола и произносили слова. При этом разноцветные ветерки продолжали яростно вертеться на спинах, и иначе продолжала возрастать.

— Доволен такой жизнью? — внезапно прилетело из уст Борисом.

— Эх, — ударил лбом об стол Бембя. — Омут, и все!

— Это потому, что с тобой человека нет, — Борисом впустил пальцы в тонкие волосы. — Что решил о Валентине?

— Замечательная, — нежно сказал Бембя.

— Абсолютно прав!

Оба персонажа утром, очухавшись за столом, принялись изнывать от общей боли иначе, и тогда Борисом, сильно прижав руки к вискам, утвердительно вскрикнул: «Итак, терпим, словно ишаки, постоянно. Держись, я скоро!» На этой фразе круг сцепился, и раут продлился еще на целые сутки. Но время — не вечность, а пьянство — пошло, поэтому раут был окончен с наступлением не иного, а следующего утра.

В десять часов утра Борисом и Бембя вышли из дома. Медленным шагом они направились к автомобилю, а когда подошли ближе, увидели следующее: разбитое водительское стекло, на сиденье скомканные наушники и никаких признаков Валентины. Они посмотрели друг на друга.

— Пропала, — задыхаясь, сказал Борисом.  
— Если человек пропал, значит, он хотел пропасть, — неубедительно произнес Бембя.  
— Исчезла! — не верил глазам Борисом.  
— Если человек исчез...  
— Замолчи, — яростно перебил Борисом Бембя. — Если человек исчезает, значит, кто-то его утащил, связал, познал или просто ради шутки уволок.  
— Спокойно, — говорил Бембя, обращаясь к Борисом, но и к себе тоже, при этом оба глядели на осколки и чесали лбы.

— Карал, — прошептал Борисом, — Аркадьевич.  
Зря грешил Борисом на Карала Аркадьевича, потому что он не имел отношения к исчезновению Валентины. Валентина, натягивая колготки, поднялась из-за кустов и вышла к двум терзаемым.

— Валя! — крикнул Борисом, разводя руками.  
«Ептть», — как-то сконфуженно подумал Бембя.  
— Вы обалдели? — Валентина подошла к машине. — Двое суток!  
— Что с окном, дочь? — Борисом прыгал на месте.  
— Птицы.  
— Какие птицы?  
— Скворцы с голубями.

Прошлым вечером, когда Валентина слушала музыку в машине и наблюдала за шуршащей лиственницей через лобовое стекло, в окно постучался клювом один голубь. Валентина испугалась, но потом перестала бояться и спокойно продолжала сидеть. Но через несколько минут орда птиц, видимо перепутав Валентину с пшеном, раздолбали окно, пронесли бурей по салону, выдрав несколько локонов с головы дочери Борисом, а потом ринулась прочь.

Валентина облокотилась на машину, а на нее смотрел Бембя. Он обвел зрением все вокруг, посмотрел на лицо Валентины, и мозг в секунду вывел такую лирику, что Бембя ощутил крупные мурашки по всему бедному телу. «Ее узкий прищур, мужественные брови, круглая косточка позвоночника, которую невозможно сейчас узреть, оранжевая радужка в зеленом глазу, болезненная бледная кожа, весь образ, чуть иностранки, чуть северянки, и отстриженные концы волос, которые касаются узкой шеи. А вокруг головы матушка Родина в виде охры вперемешку с электрическими волнами» — такова была мысль.

Борисом вытащил твердые кругляшки из глаз и сказал:

— Дочь, Бембя здесь, чтоб вы ехали. Ты с ним отправишься в столицу. И даже не вздумай задавать вопросы, а там сможешь купить себе красивое платье.

Валентина только улыбнулась в ответ, а Бембя задрожал от трепета и добавил:

— Будет.  
— Что будет? — Борисом положил на плечо Бембя руку.  
— И платье будет, все будет.

Валентина засмеялась, да так сильно, что побежала опять за куст.

Через несколько минут все заняли свои места в машине, Борисом задал вопрос:

— Сначала в стойло?  
— Уймись, — пристегивал ремень Бембя. Борисом корчился от осколков под ним, а Валентина фотографировала свои ногти. — Никаких стойл, едем в столицу.

Собранная троица, расположившаяся в автомобиле, ехала через город. После Металлистов они свернули на проспект Кацапов и долго двигались прямо. Валентина копалась в своем устройстве, Борисом, жмурясь, глядел на асфальт, а у Бембя снова ста-

ла трястись рука и болеть глаз, он стал злее, при этом взгляд Бембя направил в окно, прижавшись лбом к стеклу, и стал впускать в себя эту местную жизнь.

По обочине три мальчика, один в очках, другой без очков, а третий в бейсболке, тащили какой-то деревянный стул. «Стащили, — думал Бембя, — несут, вероятно, на базу, которую создали где-нибудь под большим тополем». При этом дети волокли стул с таким усердием, что Бембя сжался. По проспекту ходили люди, дергали двери в различные маркеты, обувные или парикмахерские, но часто двери были заперты, и народ трясся от тупого сопротивления металлического вертикального препятствия. Над ехавшей небыстро маршруткой стояло три красных газовых баллона, фантик прилип к правому колесу, а маленькая девочка с русской измызганной головкой крутилась зигзагом в окне. Бембя всматривался в здания — красивые, старые, некоторые с канделябрами и рустами, но очень ветхие и попорченные временем. Бембя всматривался в афиши — лицо местного губернатора, кричащего лозунгом, выведенным яркими зелеными буквами: «НАШ ПРОСПЕКТ ДАРИТ СВЕТ» (программа электрификации города как национальный проект борьбы с темным населением); два тигра, стоящие на задних лапах, причем на голубом брезенте была еще почему-то какая-то пенсионерка, держащая купол цирка в золотой челюсти, и на каждом зубе располагалось по букве и выходило «ТГЗ» и так далее.

Так местное житие и существует, да и причина тому не та, что зубы чистить одного не приучила в детстве мать, не та, что по сараям он лазил, а ныне детское впечатление не переплюнуть, и пьет Арсений Константинович с усами горькую и в долг берет у той, что родила, тут причина даже не та, что Константин Мырбин появился на свет около драного и узкого проспекта Кацапов, хотя мог вылупиться и в яме под Воронежем, а причина та, которая выковыривала из лица лицо человеческое, науку, мысль, хорошее удивление и мечту быть лучшим среди еще лучших, причина эта — отсутствие музыкального образования. Ну вот если слышал бы Егорка хорошую музыку, стал бы он спотыкаться об тротуарную плитку каждый вечер, когда в небе светят миллионы таких прекрасных звезд? Не стал бы!

— Фольклор какой-то, — Бембя крутил шеей, узрев очередной монумент.

Вдруг машина подпрыгнула, влетев одним колесом в яму, из ладошек Валентины выпрыгнул телефон, перевернулся в воздухе, но рука Вали была вовремя выкинута прямо, и смартфон схвачен приятной, бледной лапкой.

— Автовокзал, — Борисом указал пальцем вдаль, где был съезд с проспекта. — А я говорил!

В стороне вокзала стояло много людей. Когда машина проезжала уже рядом, оторвавшая взгляд от экрана Валентина взглянула в окно и вскрикнула:

— Ой!

— Что? — сконфуженно заметил Борисом.

— А? — втянул шею Бембя.

В одной сбивчивой очереди, где население стояло не друг за другом, а хаотично, виделся Карал Аркадьевич, по левую ногу которого стоял старый клетчатый баул с вещами или с китайской электротехникой. Борисом засмеялся во весь рот, Бембя смотрел на металлические ржавые двери автовокзала, а Валя плюнула, но, не поразмыслив о наличии стекла, попала прямо в свое еле видимое отражение.

— Картавый! — продолжал смеяться Борисом, но машина свернула с проспекта.

Они продвинулись прямо по какой-то невзрачной улице, после светофора выехали на подобие шоссе, по бокам которого располагались дачи и автомобильные сервисы, и вот Бембя увидел на синей лепешке возле надвигающегося моста надпись белыми буквами: «Р. ВОНЮЧКА». Все внутри него вскипело...

Он осмотрел лица сидящих внутри, потрогал себя за глаз и стал таким злым, что сама злость в сравнении с Бембя стояла рядом и утирала влажные щеки.

— Вы очумели? — вздрогнул Бембя. — Любовью накормить решили взамен на мои устремления. А культиватор я где потом отыщу?!

И все происходящее Бембя со злости умножил на ноль. Он отстегнул ремень безопасности, но не сразу, при этом Борисом обернулся. Въехавший на мост автомобиль стало клонить к отбойнику. Немыслимая Валентина даже не повела глазом, когда Бембя хрипел, как адская скважина. Борисом то переводил взгляд на дорогу, то назад, от этого колеса носило, как на льду. Бембя в бешенстве схватил телефон Вали, она на него закричала, а тот распахнул дверь и выпрыгнул на улицу. Инерцией перелетев ограду, Бембя шарахнулся в воду.

Брызги из реки Вонючки врассыпную разлетелись по воздуху, и так как течение было сильным, Бембя потянуло дальше, а путь лежал то ли в город Рязань, то ли в какую-нибудь Белиберду. А стоящий на берегу рыбак в камуфляжном облачении и большой фиолетовой шляпе выразился: «Распугал всех рыб! Но... удачи». И перекрестил правой рукой уплывающего Бембя, потому что человек в нашей федерации так, ненадолго всегда будет провожать идущего в путь таким христианским образом.

— Поклевки сегодня не будет, — и грустный рыбак Антоний начал бить удочку об колено...